

© 2006 г.

Э.Е. АБДРАШИТОВ

О СОЦИАЛЬНОЙ НОСТАЛЬГИИ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

АБДРАШИТОВ Элик Евгеньевич - кандидат исторических наук, старший преподаватель Казанской Государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана.

Термин "социальная ностальгия" привлекает к себе внимание. К сожалению, отсутствует устоявшееся понимание данного термина. Он, на мой взгляд, имеет широкое и узкое смысловое значение. В российской традиции заложено сверхширокое толкование "социального" как всего круга окружающих явлений. Узкое значение, как чувство определенного социального слоя, имеет большие перспективы. Ностальгия, будучи субъективной по своей сути, основанной на чувствах, являет собой объективный исторический фактор. С моей точки зрения, силу этого конструктивного явления до сих пор должным образом не исследовали. А этот фактор оказывал прямое воздействие на миллионы людей. Об этом говорит, в частности, опыт военнопленных первой мировой войны.

Обобщение и анализ собранных по этой теме данных позволили сделать некоторые предварительные наблюдения, дающие представление о социальной ностальгии. Поскольку в термины "ностальгия" и "социальная ностальгия" заложены душевная боль, тоска по родине, в случае с военнопленными эти эмоции оказались привязанными, в первую очередь, к бессилию изменить обстановку и ход событий.

В исследовании реконструируется социальная ностальгия российских военнопленных первой мировой войны в Германии и Австро-Венгрии на основе методологии, предложенной Г.Е. Зборовским и Е.А. Широковой [1, с. 75]. Одной из задач является выявление факторов, влияющих на интенсивность, протяженность социальной ностальгии, а также проявлений социальной ностальгии как объективного исторического фактора. Социальная ностальгия, как показывают собранные материалы, тесно связана с такими свойственными военнопленным категориями, как "социальное исключение" (эксклюзия) и кризис идентичности.

Социальная ностальгия в среде русских военнопленных раскрывается посредством анализа личных документов: воспоминания, письма из плена на родину. В данном контексте мемуары представляют собой "окаменевшие" остатки ностальгических настроений. Публикации писем военнопленных выступают в роли "зеркала души", реставрируя актуальные стремления и порывы находившихся в плену россиян. Конечно, письма подвергались серьезной цензуре со стороны военных властей (Германии, Австро-Венгрии), однако эмоциональный настрой можно прочувствовать даже там, где цензоры затирали часть текста. Особенность обстановки вынуждала военнопленных "маскировать" мысли, использовать кодовые фразы, содержание которых внешне выглядело безобидным, реальный же смысл понятен лишь посвященным. В качестве примера можно взять письмо домой М.П. Базилевича с упоминанием диеты по методу доктора Цытовича [2, с. 170]. Автор письма находился в плену, имел опыт пребывания в концлагерях. В данном случае он ведет речь об эпизоде, когда автор, стремясь описать неоднократные карательные действия со стороны администрации в отношении недовольных лагерным режимом, применил "кодовое письмо". Он не имел возможности прямо писать о голоде, поэтому в его послании домой было сказано, "что пленные получают пищу, но не ту, к которой привыкли дома (в основном брюкву - дополнено мной - Э.А.), но питаются по нор-

мам известного профессора гигиены Цытовича". Прием этот был связан с тем, что у автора письма в лазарете во время боевых действий русских войск в 1914-1915 гг. в Галиции и в Карпатах помощником был доктор Цытович, заведовавший офицерской столовой. Стараясь экономить на всем, этот врач нередко действовал в ущерб желудкам своих коллег-офицеров, что и породило шутку: "Питание по Цытовичу", о чем знали адресаты послания из немецкого плена. Смысл этих фраз цензорам, естественно, был непонятен. Но это послание получило продолжение с оттенком горькой иронии. Письмо М. Базилевича было опубликовано немцами как доказательство чрезмерно хорошего обращения с русскими военнопленными.

В современном российском обществе сформировались определенные стереотипы о положении во вражеском плену, основанные на информации о Великой Отечественной войне, с позиций которых, возможно, рассматривается положение пленных в годы первой мировой войны. Однако, несмотря на наличие общих черт, имелись существенные, качественные отличия в положении пленных русских первой мировой и военнопленных Советской армии. Экономика кайзеровской Германии испытывала серьезные напряжения, в том числе в сфере производства продуктов питания. И на долю пленных выпали жестокие испытания в области питания, как и в отсутствии жилых помещений, их отоплении, медицинской помощи. Это вызывало высокую смертность среди пленных. Большинство пленных по экономическим причинам принимали участие в работах на производстве вне стен лагеря. С другой стороны, пленные охранялись (хотя и эпизодически) международными конвенциями, снабжались (хотя и недостаточно) посылками от благотворительных организаций и родственников, инспектировались представителями Красного Креста. Офицеры пользовались относительной свободой, могли посещать города. Пленные регулярно получали письма, проходившие военную цензуру. Практиковались наказания и жестокое отношение к пленным. В российском общественном мнении находившихся во вражеском плену был принято считать героями.

Что касается Великой Отечественной войны, ситуация было совершенно иной. Лагерь военнопленных представлял собой "фабрику смерти". Администрация не заботилась о питании и лечении пленных. Повсеместно применялись пытки и истязания. Евреи и комиссары уничтожались на месте. Советские военнопленные не подпадали под действие международных конвенций, не пользовались содействием международного Красного Креста. По приказу Сталина № 270 от 16 августа 1941 года пленные приравнивались к изменникам присяге и родине, что развязывало руки репрессивным органам. Поэтому не следует механически переносить представления, сложившиеся по опыту 1941-1945 гг., на рассматриваемый период.

В годы первой мировой войны ностальгия в среде пленных проявлялась в письмах и мемуарах в следующих моментах. Из источников видно, как она формирует реальность, навязывает модель поведения, нормы и ценности, социальное самочувствие и т.д. Это подтверждает положение о том, что "Прошлое заметно формирует настоящее - посредством передачи и сохранения традиций, обычаев, практик..." [1, с. 34]. Ностальгия отдельного человека субъективна по своей природе, она основана на личных переживаниях, ощущениях, связанных с конкретной утратой, потерей человеком чего-либо лично существенного. Ностальгия социума пленных, сохраняя субъективный характер, обретает и надындивидуальные черты.

Военнопленные как наиболее ущемленная группа людей, подвергшихся социальной эксклюзии, испытывали в плену давление со всех сторон. Они насильно были оторваны от родины. Представители лагерной администрации в своей массе способствовали созданию соответствующей атмосферы в лагерях для военнопленных. Они, по свидетельству одного из бывших пленных, лишь на словах "принципиально считали нас и наших близких вправе поддерживать сношения друг с другом. Но все же остальные коменданты, почти без исключения, этого права не признавали" [3, с. 60]. То есть, у пленных были все основания для состояния классической ностальгии. Серьезное влияние оказывали тяжелая психологическая обстановка, голод и ряд других факторов, усиливающих ностальгию в рассматриваемой группе.

При попадании в плен у российских солдат отбиралось все ценное, все, что можно было использовать для своих нужд; военные власти перлюстрировали письма, следили за настроениями пленных и жестоко карали все попытки противодействия властям. В этой ситуации **воспоминания** - то единственное, что захватчики не могли отобрать.

Социальная ностальгия для пленных становилась не просто моделью поведения, она определяла их жизнь. В прошлом военнопленные черпали силы; в нем они обретали волю к жизни и смысл жизни. Окунаясь в ностальгические воспоминания, человек уходил в свой мир, отгораживаясь от проблем, и подсознательно концентрировался на приятных воспоминаниях, помогавших выживать. Наиболее знаковым моментом для такого рода ностальгии становилась **тоска по родным и близким** (любимым людям). Маленькая Родина проходит красной нитью

через все письма пленных. Практически все они начинаются с описания испытываемых автором негативных чувств, связанных с утратой жены, детей и других родственников. Это же обстоятельство отражено в том, что любой земляк воспринимался в лагере практически как родственник. В связи с этим особым значением наделялись имевшие место редкие связи с домом: чем больше финансовой и продовольственной помощи приходило из России, тем более тесную связь чувствовал пленный с домом.

Тоска по прежним товарищам имела двоякое проявление. В делении товарищей, находившихся далеко, заметен практический аспект. Сознание того, что о тебе помнят и ты нужен, помогает выжить ничуть не меньше, чем присланные продукты. Если речь шла о человеке в России, который регулярно помогал, - то пленный писал, что тоскует по нему, выражал желание встретиться с ним. Если же друг не помогал, то пленный тоже хотел встретиться с ним, с целью посмотреть ему в глаза, пристыдить. Поэтому письма начинаются, как правило, просьбой передать многочисленные приветы. Посылки имели более весомый характер, отражали заботу без "красивых слов". В обоих случаях ностальгия обеспечивала пленному жизнь.

Тоска по воле - естественное проявление положения социальной эксклюзии, в которое попадал человек, оказавшись в плену. Естественно, пленные, хотя это и отрицают международные нормативно-правовые акты, являются заключенными, со всеми атрибутами. Как то: содержание в огражденной территории; наличие охраны, наличие спецодежды, номеров, применение силы в случае попытки покинуть территории и т.д. Несомненно, что пленные не просто тосковали по свободе, они стремились вырваться из изоляции.

Естественно, что в том положении, в котором оказались бывшие офицеры и солдаты русской армии, определенная часть пленных шла на **побег**. Многие бежали от безысходности. Другие "бежали просто потому, что чересчур тяжело и скучно было в лагере" [4, с. 50]. "Побег был серьезным мероприятием. Бежавший в независимости от того, чем окончилось его мероприятие, становился героем" [5, с. 9]. Пленные часто не видели другого выбора: или медленная смерть от голода или побег, но выжить в случае побега было больше шансов. Плюс к тому, даже если побег был неудачным, человек несколько часов был свободен, что имело огромное психологическое значение для простых военнопленных. С другой стороны, пленный, будучи пойманым, называл другую фамилию и попадал в иной лагерь, а это уже изменение условий реальности, возможность что-то изменить по своему выбору.

Часть пленных легальными методами добивалась некоторой степени "свободы". В этом отношении выездные работы предоставляли своего рода отдушину. Часть солдат круглогодично работала вне стен лагеря. Наиболее дисциплинированным пленным позволялись прогулки по городу (начиная с 1916 г.). Офицеров "отпускали на прогулку в город. Позволяли делать покупки в городских лавках" [6, с. 6]. Побег с прогулок осуществлялись очень редко - по практическим и морально-этическим соображениям.

Большая часть пленных, не имея возможности покинуть лагерь (особенно в начале войны и в 1917 г.), стремилась принести свободу внутрь лагеря. Это осуществлялось разными методами, к примеру, приглашение проституток. Часть пленных достигала "сознательной" (бытовавший в то время термин) свободы путем чтения книг, газет и т.д. Чтение книг побуждало человека жить, пробуждало в нем чувство прекрасного, некогда забытые идеалы. Удивительно, но умиравшие от голода, холода и непосильной работы люди зачитывали свежие газеты буквально до дыр. Невероятно, но в плену процветало искусство. Во многих лагерях были театры, хоры, оркестры, танцевальные коллективы. Коменданты даже соревновались, у кого лучше театр. Театральная премьера была событием не только лагерного масштаба. На представление приходили комендант с семьей, администрация лагеря, местное население. "Театр давал нам величайшую из иллюзий: он на несколько часов освобождал нас от плена, переносил в прекрасную свободную жизнь", - вспоминал позднее один из бывших военнопленных.

На состоянии социальной ностальгии, эксклюзии и на самоидентификации пленных сказывался тот факт, что в отличие от осужденных по закону, пленные не имели четкого **срока** заключения. Освобождение пленных было привязано к окончанию войны. Поэтому пленные (особенно деморализованная часть) были готовы признать любую власть, которая гарантировала им свободу через заключение мира - любой ценой. В частности, с этим я связываю и революционную активность большинства военнопленных, принявших участие позднее как в гражданской войне в России, так и в революционных событиях в Германии и Австро-Венгрии.

Тоска по работе серьезным образом переформировывала у пленных их самоидентификацию. Пленный - это одновременно и военный, и невоенный человек. Попав в относительно мирные условия, пленный вспоминал свое ремесло. Надо отдать должное немецкой администрации: она умела использовать психологию пленных в своих целях. Начиная с 1914 г., плен-

ные использовались на общественных работах внутри лагеря, а с 1915 - начала 1916 г. - **повсеместно**. Это было связано с объективными потребностями экономики, с нехваткой рабочей силы. Пленным доверяли самую тяжелую и грязную работу: россияне слыли лентяями, работниками низкой квалификации (за время пребывания на войне и в плену она действительно утрачивалась). Сказывалось незнание языка, традиций и другие факторы.

Люди с прикладными профессиями, доктора, портные, сапожники, плотники и другие категории рабочих находили применение своим умениям и навыкам как в лагере, так и за его стенами. С 1915 г. большую часть пленных (большинство солдат были прежними крестьянами) уводили на сельские работы, рабочих - на заводы, шахты. Офицеров иногда назначали на посты в администрации лагерей (не всех и не везде). Наиболее ущемленными оказывались представители интеллигенции, - их профессии редко были востребованы. В ряде случаев их использовали как клерков. В таком же положении были те, кого сейчас называют бизнесменами. Часть пленных работали надсмотрщиками: именно их считали наиболее опасными и свирепыми. "Их жестокость порой доходила до садизма", - писал один из пленников [7, с. 4].

Тоска по культуре и языку имела много выражений. Пленные заказывали и доставали любимыми способами книги, газеты на русском языке. Поскольку русскоязычные газеты не всегда можно было достать, пленные в ускоренном темпе изучали местные языки, чтобы читать местные газеты. Главное - получить хоть немного информации о России. Информационный голод был столь силен, что вторыми по частоте упоминания в письмах (после еды) были просьбы прислать газеты и книги. Это выражалось и в том, что пленные требовали обстоятельного ответа на их вопросы в письмах. Все мемуаристы центром общественной жизни называли библиотеку (и центром революционной активности); ей "противостояла" церковь. Говоря о противостоянии, я не имею в виду агрессию (хотя она имела место - борьба с помощью лагерной администрации с теми, кто отказывался посещать церковь). Речь идет о принципиально разных моделях поведения военнопленных. Церковь предлагала пассивную модель (смирение; воздаяние за грехи, фатальное начало, очищение через страдание и т.д.). Библиотека выступала в качестве активного начала, предлагая пленному самосовершенствование, движение. Обсуждение новостей - также повседневный ритуал. На "толкучках" не только продавались и перепродавались вещи, но и обсуждались важнейшие новости; там пленные *слышали* и *слушали* родной язык. Вновь прибывшие пленные подвергались "допросу", разговор с ними давал почувствовать близость внешнего мира, узнать новости о России.

Чтение газет и обсуждение новостей стало важным элементом повседневной жизни военнопленного. Чтение приобщало к русской культуре, давало почувствовать себя "русским", создавало иллюзию причастности к событиям в далекой России. Военнопленные воспринимали чтение книг как священнодействие, душевно освобождающее, раскрепощающее людей; оно давало почувствовать, что есть и другой мир. Уловив настроение пленных, администрация попробовала использовать его в своих интересах. Так, выпускалась газета для военнопленных на русском языке с информацией, которая удовлетворяла власти. В библиотеки поставлялись книги революционного содержания для "разложения" пленных.

Пленные подвергались массивной революционной пропаганде с 1915 г. Полковник Вальтер Николаи, прозванный современниками "отцом лжи", руководил этим проектом с одной целью: подорвать боевой и патриотический дух в рядах солдат российской армии [8]. В случае возвращения в ряды действующей армии этот человек был потенциальным дезертиром и мог оказывать влияние на однополчан. Борьба с революционной гидрой в армии отнимала много сил у командования, страдал боевой дух. Революционные идеи были подхвачены солдатской средой, будучи близки крестьянской бунтарской психологии.

Тоска по традиционным ценностям, привычной жизни, укладу. В лагере заметна попытка

воспроизводства прежнего российского уклада жизни. Лагерь делился на землячества и общины, по роду трудовой деятельности; и т.д. **Тоска по местности (природе)**. Несомненно, пленные испытывали определенные переживания по поводу окружающей их природы. Отсутствие привычных глазу "ориентиров" давило на сознание, усиливало ностальгические настроения. В лагере за колочей проволокой особенно актуален был образ "русской березы" и "бескрайних просторов". В ряде мемуаров прослеживается мысль, что в плену автор скучал без любимого дела, без охоты, прогулок по городу и т.п. Я склонен считать, что это связано с позднейшим осознанием своего состояния: в плену авторы этот фактор фиксировали редко. В плену досуг не входил в перечень жизненно важных объектов; на осознание недоступности досуга простым пленным просто не хватало времени.

Другое дело офицеры. "Пленные офицеры, хоть и в меньшей мере, так же голодают и подвергаются всякого рода оскорблениям и унижениям" [9, с. 1]. Но они не испытывали страх

за жизнь; питание было сносным; они не должны были работать. Война потрепала офицерский корпус. На смену кадровым офицерам приходили талантливые нижние чины, выдвинувшиеся в ходе войны (особенно в младший офицерский состав, после 1915 г.). Часть из них считала, что как ни были бы трудны общественные работы, "все же это было лучше, чем оставаться в бараках и изнывать от тоски, голода и безделья" [6, с. 66]. Большая часть кадровых офицеров не работала по моральным соображениям: кодекс чести не позволял работать на противника. Вообще, большинство офицеров были интеллектуалами, и скука их убивала больше, поэтому офицерский состав ностальгировал чаще и сильнее.

Тоска по стабильности. Человек привык жить в определенном пространстве и времени. Жизнь в плену рушила все представления об их стабильности. Планирование даже на сутки в условиях лагеря - долгосрочная перспектива. В воспоминаниях бывшие пленные неоднократно отмечали, что больше всего вспоминали Россию из-за стабильности и распланированности жизни, возможности отвечать за свои поступки и формировать свою жизнь.

Оторванность от родины пробуждала вопрос о **самоидентификации** пленных. С одной стороны, все пленные воспринимали себя *русскими*. Деление по национальному признаку не было актуальным. На первый план выходили социальные критерии. С другой стороны, формировалась новая шкала идентификации. "Своими" российские пленные считали всех ущемленных в правах пленных (итальянцев, французов) и местных рабочих, которые испытывали притеснения от своего начальства. В плену, за колючей проволокой местное население очень часто (по мемуарам) становилось гораздо ближе, чем родственники в России. Офицеры не разделяли чувств солдат. Большинству из них долг не позволял причислить немцев к "своим".

По-иному проблема самоидентификации отобразилась в сознании пленных, которые обзавелись семьей в плену. Они осознавали себя русскими, однако тосковали по-другому, стремясь сохранить внутри себя светлый образ "России-матушки". Большая их часть не собиралась возвращаться в Россию, и образ этот, во многом рукотворный, должен был остаться идеалом. Репатриация разрушила бы его, и пленные сознательно ей сопротивлялись. Они перенимали привычки местных жителей, пытались слиться с ними. Жизнь брала свое; браки россиян с местными женщинами перестали восприниматься как что-то зазорное. О масштабах подобного рода контактов говорит тот факт, что в 1917 г. военные власти, опасаясь революции, вернули пленных в лагерь: это вызвало бурю негодования у местного населения. Наряду с экономическими причинами - без российской рабочей силы экономика давала сбой - этот фактор привел к тому, что указ пришлось отменить через несколько недель.

Заключение: исследование российских военнопленных и наблюдения, вытекающие из него, демонстрируют, что проблемы ностальгии многообразны, значимы и требуют дальнейшего изучения. Более глубокое понимание процессов того времени станет возможно в результате анализа литературного и архивного наследия первой мировой войны. Социальная ностальгия во многом была причиной формирования отторжения в среде пленных старой России и содействовала некоторой политической неразборчивости репатриированных. Страна отказалась от своих воинов, и они платили взаимностью. Было стремление попасть в Россию без помещиков и жандармов. Различие форм ностальгии было связано с идентификацией с разными слоями лагерного населения: в среде пленных образовались специфические подсоциумы. Часть пленных, выходцы из села, имевшие семьи, испытывали ностальгию по старой России, понимая, что ее не вернуть. Другие тосковали по "старой России" и стремились вернуть ее. Третьи были готовы вернуться в любую Россию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Зборовский Г.Е., Широкова Е.Л.* Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социол. исслед. 2001. № 8.
2. *Базилевич М.П.* Положение русских пленных в Германии и отношении германцев к населению занятых ими областей царства Польского и Литвы: Материалы, собранные доктором М.П. Базилевичем в плену и среди 110 вернувшихся из плена врачей. Пг., 1917.
3. *Вороницын И.* У немцев. Очерки политической тюрьмы и ссылки. Харьков, 1923.
4. *Левин К.* Записки из плена. М., 1934.
5. ОРРКНБЛ.Ф.856(май 1916 г.), л.9.
6. *Кацов Л.* Сквозь плен. М., Московское товарищество писателей, 1934.
7. *Мирошников С.И.* В плену // Речь. № 305.
8. *Таратута Ж., Зданович А.* Таинственный шеф Мата Хари. М., 2000.
9. Воспоминания доктора Крессена // ГАРФ. Ф. 6657. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.